

ВСТРЕЧА

Глазами клоуна

«Из всех искусств для нас
главнейшим является — Никулин!»

Такой лозунг встречает
посетителя в кабинете директора
цирка на Цветном бульваре.

Приняв это к сведению, сажусь
на диван, задеваю что-то, смотрю
вниз и вижу голые пятки.

«Не пугайтесь, он спит», — холодно
замечает Никулин, запихивая
бутафорские пятки поглубже.

Елена Сапожкова

— Никогда не поверю. Помню, меня восхи-
тил рассказ английского фантаста Эрика Рас-
села «Немного смазки». Два раза посылали
люди космические корабли на далекую пла-
нету. Корабли пропадали. Отправили третий
корабль уже без особой надежды, вдруг слы-
шат позывные, он возвращается. Перед са-
мым приземлением капитан корабля подво-
дит итоги. Среди всех отобранных для полета
удивлял его лишь психолог — чудак, недотепа,
который потешал команду шутковскими вы-
ходками, за четыре года умудрился семь раз
отметить свой день рождения. После уже ка-
питан узнал, что в качестве ученого-психолога
в полет послали известного циркового клоуна,
чтобы он послужил «смазкой» напряженным
до предела и почти безумевшим в космиче-
ском странствии людям. Прекрасный рассказ
о моей профессии. У меня никогда не возни-
кало сомнений, искусство цирк или нет.

— Вас не обижает, когда друзья шутят над ва-
шей внешностью?

— Нет, я прекрасно представляю, как вы-
гляжу. В молодости, когда искал свой образ,
надевал маску, приклеивал большой нос. Но
однажды старый актер сказал мне: «Зачем ты
гримируешься, только кожу портишь, у тебя и
так достаточно глупое лицо». И я постепенно
бросил гримироваться, только чуть подмазы-
вал губу, подводил глаза да ставил на нос не-
большое белое пятнышко. Один раз слегка
обиделся, когда играл в фильме Рязанова «Че-
ловек ниоткуда» роль милиционера. Мой ге-
рой спускает снежного человека с телеграф-
ного столба. Снимали эту сцену в Москве,
приехала машина ГАИ, я одет в форму,
стою с жезлом. Настоящий капитан милиции
смотрел, смотрел, не выдержал, подходит к
Рязанову и возмущается: «Ну почему на роль
милиционеров всегда берут идиотов?» А я за
его плечом стою. Рязанов спрашивает: «Это
вы про кого?» Тут я высовываюсь: «Это он про
меня». Капитан покраснел и ушел... А я, по-

верьте, получаю истинное удовольствие,
когда могу вызвать у человека улыбку.

— Вы говорите, что дети еще держатся. Для
них легче сочинять репризы?

— Детский юмор особый, абстрактный, что
ли. Недавно около цирка ко мне подходит ма-
лыш и спрашивает: «Как в три приема поса-
дить в холодильник бегемота?» Открываем
холодильник, сажаем бегемота, закрываем хо-
лодильник. А он дальше: «Как в четыре
приема посадить в холодильник жирафа?»
Ответ: «Открываем холодильник, вынимаем
бегемота, сажаем жирафа, закрываем хо-
лодильник». Я смеюсь, а он третий вопрос при-
готовил: «Если устроить бега, кто быстрее
прибежит — жираф или бегемот?» Жираф,
отвечаю, и малыш хохочет: «Как он может
прийти первым, он же в холодильнике сидит!»
Я включил этот анекдот в свою коллекцию.

— Пополняется ли ваша знаменитая коллек-
ция современными историями?

— Очень медленно. В тех брошюрах, книж-
ках, листках, что продаются в переходах метро
(а мои друзья приносят мне все, что видят),
современных почти нет, а если есть, то не-
смешные. Это, мне кажется, объясняется рав-
нодушием людей к происходящему в стране.
Ведь нельзя же сказать, что наше время дает
меньше поводов для смеха. А анекдотов нет.
Мне недавно один во сне приснился, про Ель-
цина. Напечатаете?

— Если смешной.

— Видит Ельцин, совсем плохи дела в
стране, и решает посоветоваться со старыми
политиками, например со Сталиными. Напа-
дили ученые связь с загробным миром, и спра-
шивает Ельцин у Сталина: «Никак не остано-
вить войну между Арменией и Азербайджаном,
кровь льется, люди гибнут. Что делать?»
Сталин отвечает: «А вы объедините их в одну
республику». Ельцин удивляется: «Но ведь
тогда спор начнется, какой город столицей бу-
дет, Ереван или Баку?» Сталин смеется:
«Спора не будет. Столицей будет Магадан».
Такой вот жуткий сон. Кстати, о Сталине. Я за
свою цирковую жизнь успел выступить перед
всеми вождями, больше всех Хрущев хохотал,
чуть из ложи не вываливался. Только Сталин в
цирк не ходил.

— А вам встречались люди, лишенные чув-
ства юмора?

— Это страшное дело. Мой отец говорил: с
такими лучше не общаться, они опасны.

Однажды в Риге, после войны, отпустили
меня в увольнение. Дело молодое, принаря-
дился, как мог, у одного гимнастерку поновее
одолжил, у другого — хромовые сапоги, и обя-
зательно — коммандовскую фуражку, твердую,
красивую, не то что солдатские пилотки.
Военный патруль за нарушение формы
одежды забрал меня в комендатуру. Пришли,
а там таких, как я, нарядных, полная комната.
Велели сложить фуражки на столе, взамен раз-
дают пилотки. Вдруг появляется чернявый
лейтенант, подходит к столу и начинает при-
мерять фуражку, поновее. Я тихонько заме-
чаю: «Ну вот, еще один к шапочному разбору
пришел». Все засмеялись, а чернявый посмо-
трел на меня серьезно, выдал самую грязную
пилотку и — десять суток ареста. Оказалось, он
начальник гауптвахты. Сострил, называется.

— Анекдоты от Никулина сейчас можно про-
читать едва ли не в каждой газете, выходят
ваши книжки. А на арене вы больше не будете
смеяться публике?

— Наверное, мог бы еще поработать, но, как
сказал Леонид Утесов, лучше уйти со сцены на
три года раньше, чем на день позже.

Виктория ВОЛОШИНА

В день, когда мы встречались с Юрием Ни-
кулиным, молодая художница Елена Сапо-
жкова сделала несколько набросков для его
будущего портрета. Кажется, получилось.

Шофер директора, попивая кофе, рассказы-
вает о прочитанном в газете сообщении, что
телефонная служба точного времени из-за до-
роговизны прекращает работу. Никулин, тут
же: «Время всегда стоило дорого...»

Серьезно о проблемах юмора говорить не
хочет:

— Я практик, а не теоретик, могу только кон-
статировать: с юмором стало хуже. Еду утром
на работу, говорю водителю — давай считать
улыбки. Пока добираться (километров трид-
цать от дачи до цирка), хорошо если трех-
четыре веселых встретим, в основном моло-
дых. Юмор — это ведь тоже ощущение мира.
Недавно наблюдал в магазине, как ветеран без
очереди подошел, — сразу яростный женский
крик: «Много вас таких, недобитых». Не-
вольной перестанешь веселиться — я ведь тоже
из «недобитых». Хотя понимаю: люди обед-
невшие, нервы ни к черту.

— Получается, что улыбка, смех — привиле-
гия людей денежных? Вы часто общаетесь с но-
выми богатыми — как у них с юмором?

— У тех, с кем я общаюсь, вроде все в по-
рядке. Но, честно говоря, с ними трудно разго-
варивать — все о делах, о счетах, о бессонных
ночах. Два моих знакомых бизнесмена не-
давно в больницу попали — нервное истоще-
ние. А мне по этому поводу песни воспомина-
ется, на войне один солдат любил петь: «Бо-
гачу, дураку, на деньгах не спится».

— Вы когда-нибудь теряли чувство юмора из-
за отсутствия денег?

— Нет, только из-за отсутствия успеха. Я ни-
когда не рассказывал, как мы впервые ездили
на гастроли в Японию. Вышли на арену, одну
репризу исполнили, другую — в зале тишина.
Пять реприз в первом отделении — и ни одной
улыбки. Ну не понимают нашего юмора. А в
то время у нас в цирке бытовал одесский анек-
дот. Встречаются два еврея, один у другого
спрашивает: «Рабинович, вы читали утрен-
нюю газету? Эйнштейн едет в Токио» — «Кто
этот Эйнштейн?» — «Он придумал теорию от-
носительности. Как, вы не слышали об этой
теории? Тогда я вам примитивно объясню.
Представьте себе, вы проводите ночь с краси-
вой женщиной — эта ночь кажется вам мгнове-
нием. Но если вас, Рабинович, посадить го-
лым задом на раскаленную плиту — минута ра-
стянется в вечность. Вы поняли?» Рабинович
молчит, потом скупо спрашивает: «И с этими
хохмами он поехал в Токио?»

После провала во втором отделении мы
совсем загустели. Сидим в костюмерной,
молчим, жена нервно курит. Вдруг наш ассис-
тент в мрачной тишине спрашивает: «И с
этими хохмами мы поехали в Японию?» Хохо-
тали безудержно, стресс прошел, и буквально
за четыре дня мы все поменяли. Я заметил,
что японские униформисты, встречаясь утром,
делают рукой жест вроде пионерского салюта
и говорят: «Ус-с!» Оказывается, так привет-
ствуют друг друга в простонародье. И наши
репризы приобрели простонародный япо-
нский акцент. Миша Шуйдин бросал буме-
ранг, он пролетал над залом, Миша его ловил,
а мы, стоя на барьере, поднимали руки и во-
одушевленно орал: «Ус-с!» Японцы страшно
радовались.

— Сейчас и у нас в цирке смеются все реже.

— Да, клоуны теряют успех у взрослой пуб-
лики. Только дети еще держатся. Как говорит
один мой знакомый, самые счастливые годы в
его жизни — те пять лет, что он провел в пер-
вом классе.

— Но почему клоуны теряют успех?

— Они играют репризы пяти-шестилетней
давности. И хотя нельзя сказать, что клоуны
перестали искать новые формы, новые сю-
жеты, слишком много сил отнимает беготня
за любими, самыми сомнительными контрак-
тами за границы.

— Клоуны теряют успех, а сатирики продол-
жают собирать полные залы. Может быть,
просто устарела профессия клоуна?